004612338

На правах рукописи

Константинова Татьяна Владимировна

МОДУСЫ НИГИЛИЗМА В КУЛЬТУРЕ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

11 НОЯ 2010

Ростов-на-Дону
2010 год

Диссертация выполнена на кафедре философии и социологии архитектуры и искусства Института архитектуры и искусств
Южного федерального университета

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Штомпель Людмила Александровна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Королев Владимир Константинович

доктор философских наук, профессор Николаева Людмила Сергеевна

Ведущая организация: Ростовский технологический институт сервиса и туризма (филиал) ФГОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса»

Защита состоится 11 ноября 2010 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.208.11 по философским наукам при Южном федеральном университете по адресу: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, факультет философии и культурологии, ауд. 434.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ЮФУ (г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «7» октября 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета М.В. Заковоротная

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Важнейшим признаком и духовным фактором кризиса культуры является нигилизм. Его присутствие в современной культуре отмечалось и отмечается ведущими мыслителями, начиная с Ф.Ницше, О.Шпенглера, Н.Бердяева, С.Булгакова, С.Франка, М.Хайдеггера, А.Камю и др. Нигилизм, как показал еще М.Хайдеггер, связан с отрицанием традиции, власти и каких-либо авторитетов Под знаком отрицания, и даже более того – низвержения – авторитета, традиции, смысла и ценностей – проходит современный период европейской истории. Поэтому с середины XIX века и по настоящее время тема нигилизма является одной из наиболее обсуждаемых в гуманитарных науках.

Переживаемый ныне общемировой кризис, ставший кульминацией отдельных кризисных явлений современной цивилизации и «стянувший» их в один узел, расценивается многими как следствие неудачи исторического проекта, начавшегося в эпоху Просвещения, – проекта, ориентирующего на технократическое и рационалистическое переустройство мира, природы и человека. Попытка реализации этого проекта привела к онтологическому отчуждению человека, к разрыву связей и отношений индивидов между собой. «Конец социального», разрыв всеобщих связей и взаимозависимостей, размытость целеполагающих ориентиров исторического развития, разрушение систем ценностей и смыслов – вот итог заявленной Ницше «смерти Бога», т.е. уничтожения сферы сверхчувственного - идеалов, норм, правил, принципов, целей и ценностей, подвергшихся «атаке» нигилизма.

Утрата целей и смысла человеческого существования, цельности человеческой личности, неясности жизненных ориентиров и установок зафиксирована и обозначена как ситуация «абсурдности существования» (А.Камю), «экзистенциального вакуума» (В. Франкл), абсолютной «недостоверности одинокого бытия» (Ж Батай), «онтологической покинутости» (М.Хайдеггер), «метафизического одиночества» (М. Мамардашвили). Выходом из этих состояний часто является протест, различные радикальные действия по разрушению существующего положения вещей, духовное и практическое отрицание, неприятие того или иного фрагмента действительности или всей действительности в целом: «*...протест* становится отчетливой моральной чертой современности», а «*негодование* является преобладающей современной эмоцией»[1]. В связи с этим нигилизм как идея, как настроение, сопровождающееся пессимизмом и моральным разочарованием, и как практика реальных действий, связанных с отрицанием, становится объектом анализа теоретиков самых разных направлений – от религиозных до атеистических, от анархистски-ориентированных до государственно-охранительных, от лево- до

---

[1] Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – С.101.

праворадикальных, от позитивистских до экзистенциалистских, от романтиков до авангардистов.

Но является ли нигилизм одной из духовных причин этих катастрофических для европейской культуры процессов, или он сам выступает орудием поиска новых оснований человеческого существования? Поиска, осуществляемого наиболее интенсивно в переходные периоды культуры. А.И.Новиков справедливо подмечает, что всплески нигилистического сознания обнаруживают себя в условиях крутой ломки общественных устоев: «от феодализма к капитализму (нигилизм Писарева), от капитализма к социализму (анархо-индивидуалистический нигилизм), от домонополистического капитализма к империализму (ницшеанство)[2].

Подобный переходный период мы переживаем сегодня, когда оказываются невостребованными сложившиеся культурно-исторические традиции, а апробированные формы опыта провозглашаются отжившими. В связи с этим наиболее актуальной представляется задача осмысления нигилизма как феномена транзитивного периода истории культуры – переходного периода.

Степень научной разработанности проблемы. Первым современным мыслителем, констатировавшем наступление эпохи нигилизма, был Ф. Ницше. Эта эпоха нигилизма, обозначенная выражением «Бог умер», характеризуется отсутствием Бога в пространстве человеческого бытия. Именно Ф.Ницше заложил современную традицию понимания нигилизма как отрицания смыслосозидающей и регулятивной функций Бога и сверхчувственного вообще как высшей инстанции. Исторический процесс утраты ценностей и смыслов человеческого существования на индивидуально-личностном и культурно-историческом уровнях исследовался затем на всем протяжении конца XIX и XX веков: состояние человеческой «богооставленности» анализировалось Н.Бердяевым, истоки и сущность утраты трансцендентного в европейской истории – М.Хайдеггером, бессмысленность и абсурдность социальной действительности – А.Камю, духовно-экзистенциальные аспекты отчуждения человека – Ж. Батаем, Г. Маркузе, К. Ясперсом. При этом они не ограничивались констатацией абсурдности, неподлинности и трагизма человеческого существования в современную эпоху, а указывали на главные препятствия на пути обретения утраченной сферы трансцендентного, которые усматривалась ими (при всех различиях их философских установок) в научной рациональности и предметном мышлении. Работы указанных мыслителей имели фундаментальное значение для уяснения истоков и сущности нигилизма в культуре.

В первом десятилетии XX века в сборнике «Вехи» русские философы Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, С.Л.Франк, П.Б.Струве выявили специфику

---

[2] См.: Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. – Л.: Лениздат, 1972. С.18.

нигилистического мировоззрения, сопоставив его с особенностями христианского мировоззрения и российского менталитета, определили носителя нигилистических идей – леворадикальную интеллигенцию, расширив тем самым пределы исследования нигилизма не только как явления духовного, но и как социального. За несколько лет до выхода «Вех» С.Н.Булгаков в работе «Душевная драма Герцена» причисляет последнего (наряду с Ницше) к позитивистам, позитивизм отождествляет с «философским нигилизмом», рассматривающего человека как «меру вещей»: «*Человек есть мера вещей* – вот сущность всей философии Герцена; принцип Герцена не представляет, таким образом, ничего нового, – это принцип софистов, этих позитивистов и ницшеанцев древности»[3]. С.Н.Булгаков не только отождествляет позитивизм, атеизм и нигилизм, но и расширяет временные границы существования нигилизма.

Историко-философский анализ нигилизма в советское время был предпринят В.В.Бибихиным, Ю.Н.Давыдовым, Л.З.Немировской. В современной российской философии большое внимание уделяется определению перспектив преодоления онтологического нигилизма на основе возрождения классической онтологии (работы П.П.Гайденко, В.Д Губина, А.Л Доброхотова, Т. Б. Длугач, М.С. Кагана, Т.П. Матяш). Изменение традиционных онтологических приоритетов в пользу небытия как первичного и абсолютного принципа существования предлагают Н.М. Солодухо, А.И. Селиванов, А.Н. Чанышев.

В своём диссертационном исследовании мы опираемся также на работы тех авторов, в которых нигилизм рассматривается как социокультурный феномен во всем богатстве своих проявлений – от этических до правовых (П.П.Гайденко, Л.М.Ганцева, Р.А.Гольцева, В.Н.Гуляихин, Д.Н.Вороненков, Н.П.Медведев, Л.И.Мосиенко, А.И.Новиков, А.И.Пигалев, И.Б.Родянская, Савчук В.В., П.А.Сапронов, С.А.Сирин, В.Б.Ткаченко и др.). Различные аспекты нигилизма рассматривались в 80-е гг. в исследованиях зарубежных авторов: социологические (Й.Губслом), культурологические (У.Хоманн), эстетические (В.Краус), политические (А.Глюксман), психологические (В.Франкл).

В перестроечный период нигилизм стал анализироваться как форма социальной деструктивности, выявлялись его специфика, механизмы, взаимосвязь с процессами становления нового социокультурного порядка и поисками идентичности, способы преодоления (см. работы И.И.Валеева, Л.Гудкова, Р.Н.Павельева, М.М.Тоторкуловой, Г.П.Худякова и др.). Нигилизм как основополагающий момент праворадикальной концепции культуры исследовался Л.С.Николаевой.

Поскольку нигилизм существует не только как социокультурное явление, но и используется в качестве инструмента преодоления

---

[3] Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена // Булгаков С.Н. Соч. в 2-х т. Т.2. Избранные статьи. – М.: Наука, 1993. С.115.

метафизических оснований философии культуры, мы обращаемся к работам постмодернистов – Ж.Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ю. Кристевой, Ф. Лиотара, Р. Рорти, М.Фуко и др.

Однако даже в тех работах, где нигилизм рассматривается как социокультурное явление, социокультурная сущность его оказывается проясненной не до конца. Это связано с неявной подменой собственно культурологического анализа анализом философским, психологическим, социологическим.

Понимание нигилизма как условия преодоления границ культуры, перехода «границы между двумя возрастами мира» мы находим в работах Э.Юнгера и М.Хайдеггера[4]. Исследование предельных ситуаций человеческого существования, проблемы границ социального, интенции к преодолению «пределов», предпринятое Ж.Батаем и М.Бланшо, также оказалось полезным при понимании нигилизма как отрицания, выводящего за пределы существующей социокультурной реальности.

Различные процедуры отрицания, способы и формы их манифестирования в культуре и языке исследовались К.Клейном, Д.Леви, Л.Н.Ольховой, Л.Уайтом, В.Штрамом.

Для понимания бытия нигилизма в современной культуре большое значение имеют также работы специалистов по молодежной субкультуре и контркультурным движениям, направленным на отрицание общества массового потребления и господства политических и экономических монополистических структур (Ю.Г.Волков, Ю.Н.Давыдов, В.И.Добреньков, Ф.Д.Кадария, С.Коэн, А.Маршак, И.П.Савченко, С.А.Сергеев, З.В.Сикевич, В.Я.Суртаев, А.Тоффлер, Т.Роззак, С.И.Левикова, В.А.Шаповалова, Т.Б.Щепанская и др.).

Однако следует признать, что в современной научной литературе отсутствуют концептуальные работы, где нигилизм рассматривался бы в качестве социокультурного явления переходной эпохи.

Объектом исследования выступает культура транзитивного общества.

Предметом диссертационного исследования является бытие нигилизма в пространственно-временном континууме культуры транзитивного социума.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является анализ социокультурной динамики и модусов нигилизма как культурного феномена переходной эпохи.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- выявить социокультурную сущность нигилизма;
- проанализировать противоречивую природу нигилизма;

---

[4] См.: Юнгер Э. Через линию; Хайдеггер М. О «линии»//Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер, Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер, Гюнтер Фигаль. СПб., 2006.

- обосновать необходимость введения и раскрыть содержание категории «протонигилизм»;

- проанализировать «востребованность» нигилистических умонастроений в ситуации культурного перехода;

- рассмотреть отрицательное отношение к миру и образы нигилистов, представленные в классической русской литературе;

- эксплицировать отрицательное отношение к настоящему, прошлому и будущему как формы темпорального нигилизма.

Теоретические и методологические основания исследования. Методологической базой диссертационного исследования явились разработанные в диалектике принципы единства противоположностей, системности, детерминизма, историзма. Наряду с классической рациональной методологией (предполагающей логический анализ и синтез, абстрагирование, индукцию и дедукцию, историко-философскую реконструкцию и др.) были востребованы принципы и положения неклассической методологии (принцип дополнительности, комплементарности) и постмодернизма – прежде всего понятие трансгрессии. Применялся также анализ текстуально выраженного опыта нигилизма в русской художественной литературе. В качестве теоретической базы диссертационного исследования выступают труды современных отечественных и зарубежных мыслителей. В определении культуры и модусов ее существования автор опирается на теоретические достижения Ростовской философско-культурологической школы (Ю.А.Жданов, В.Е.Давидович, Г.В.Драч), на деятельностное определение культуры.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- выявлена социокультурная сущность нигилизма как «преодоление пределов»;

- изучен текстуально выраженный жизненный опыт, содержащий протонигилистические интенции и идеи, и на этой основе доказана правомерность использования понятия «протонигилизм»;

- проанализированы внутренние противоречия нигилизма и реализация нигилизма в разных модусах его существования;

- показано, что в ситуации культурного перехода, когда маргинальность и беспочвенность из латентного существования переходят в явную и агрессивную форму, нигилистические умонастроения становятся наиболее востребованными;

- прослежена взаимосвязь отрицательной оценки мира с нигилистическим самоотрицанием;

- введено понятие «темпоральный нигилизм» и выявлен его эвристический потенциал;

- определены временные модусы нигилизма в пространстве культуры переходного общества.

Положения, выносимые на защиту.

1. Нигилизм как социокультурное явление следует отличать от социокультурной сущности нигилизма. Как социокультурное явление нигилизм представляет собой определенный тип мировоззрения, состоящий в отрицании ценностей культуры, религиозных и нравственных норм, социальных институтов, причем это отрицание может быть направлено как на отжившие, так и вполне жизнеспособные нормы и ценности. Социокультурная же сущность нигилизма состоит в том, что он есть механизм выхода за пределы, обозначенные конкретной системой ценностей, норм, социальных институтов. Именно такое «преодоление пределов» с необходимостью возникает в переходные эпохи, характеризующиеся рассогласованием прежних систем регуляции поведения индивидов, что порождает неустойчивость социальных норм.

Онтологическая сущность нигилизма состоит в устремленности к Ничто. Ничто – это не ничтожность, не пустота, а возможность прерыва непрерывного, которая может реализоваться в переходные культурные эпохи. Нигилистическая трансгрессивность – это не «зрящное» отрицание», а отрицание одного с выходом в другое. Оно включает в себя в качестве момента диалектическое отрицание.

Нигилизм в разные культурные эпохи проявляет себя по-разному: от отрицания отдельных элементов культуры до отрицания всей социокультурной системы.

2.Протонигилизм есть исходная форма нигилизма, состоящая в когнитивном предчувствии неистинности легитимизированных в культуре ценностей и идеалов, сомнение в их действенности и, в то же время, надежда на ошибочность этого сомнения. Протонигилизм запечатлен уже в древних текстах, ориентирующих на сомнение в незыблемости основ культуры. В целом протонигилизм возникает на основе обращенности человека исключительно на себя, на основе страха перед неизбежностью смерти и неотвратимостью ухода в небытие. Протонигилистическая сосредоточенность на смерти перерастает в утверждение небытия, а следовательно, отрицание бытия.

3. Противоречивая «текучая» природа нигилизма проявляет себя в разных формах. Во-первых, границы культуры, «преодолеваемые» нигилизмом, оказываются вновь возведенными. Во-вторых, отрицание одних средств достижения целей предполагает выбор и утверждение других. В-третьих, неприятие нигилизма сочетается зачастую с его фактической легитимацией в культуре. В-четвертых, в нигилизме противоречивым образом сочетаются отрицание общества и общественных взаимозависимостей с формированием негативных социокультурных солидарностей, реализующих нигилистических установки и программы действия.

4. Нигилизм существует в разных модусах. Модус нигилизма – это его свойство «поражать», быть направленным на разные объекты, а также мера, образ и способ отрицания, различное сочетание которых приводит к

различным последствиям. Первым модусом нигилизма выступает скрытая, глубинная интенция человеческого сознания к отрицанию, которая в переходные эпохи становится все более явной, перерастая в востребованное социумом умонастроение. «Встроенность» нигилизма в человеческое сознание связана с тем, что сама культура не линейна, а многомерна, она существует в противоречивом единстве запрета и трансгрессии, традиции и возможности ее слома, профанного и священного, равновесие между которыми нарушается в кризисные эпохи. Тогда и возникает такой модус, как «трансгрессивный нигилизм», благодаря которому осуществляется переход «за границы», за пределы наличной культуры. Именно этот переход выступает условием прорыва к новому бытию. К модусам нигилизма относятся также латентный и демонстративный; интернациональный и национальный нигилизм; нигилизм, обращенный вовнутрь (на человека) и обращенный вовне (на мир); пассивный и активный нигилизм.

В переходные периоды социокультурного развития возникает такой модус нигилизма, который состоит в тотальном отрицании принятых в данной культуре социальных и культурных норм ограничения и запрета. Он выражается в локальных и тотальных проявлениях антикультуры, вседозволенности, злокачественной агрессивности, ситуативной этики, распространяемых в сферах и элитарной, и массовой культуры.

5. В русской классической литературе были зафиксированы несколько образов нигилистов и нигилизма: когда отрицание направлено на мир (ничтожен мир), на самого себя (ничтожен человек) и когда нигилизм выступает способом самоутверждения через отрицание. Поэтому русские писатели не только осуждали нигилистов, рисуя их как равнодушных, презрительных, пошлых, высокомерных людей, но выражали сочувствие к их мучительным поискам и стремлению бросить вызов старому миру.

6.Нигилизм существует прежде всего как отрицание, и это отрицание может быть направлено на разные объекты: на мир в целом, на его составные части (например, на ценности), на субъекта (самоуничтожение и самоничтожение). Но есть еще одна форма нигилизма в культуре – это отрицание того или иного модуса времени. Данную форму нигилизма мы называем темпоральным нигилизмом.

Темпоральный нигилизм становится возможен при условии дифференцированной расчленённости потока времени (на прошлое, настоящее и будущее), однако при этом он осуществляет отрицание одного из модусов времени, значительно обедняя оставшиеся два.

7.Нигилистическое отрицание прошлого выражается в полном отказе от него, в отрицании традиций, в низкой оценке его возможностей по реализации целей человеческой жизни. Идеализация же прошлого подавляет ростки настоящего и тем самым разрывает, искажает действительные связи между прошлым и будущим. Ритуальное воспроизведение прошлого или, напротив, доминирование «антикварного» отношения к нему являются симптомами отживания прошлого.

Отрицательное отношение к настоящему может проявляться латентным образом: посредством преувеличения значимости прошлого или будущего. Отрицание же будущего осуществляется прежде всего в виде сомнения в возможности его наступления. Различные эсхатологические и катастрофические образы в культуре переходных эпох могут быть интерпретированы как нигилистическое отрицание будущего.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется постановкой проблемы существования нигилизма в пространственно-временном континууме культуры транзитивного социума и конкретизацией основных аспектов философско-культурологического анализа нигилизма. Уточнение и детализация многоаспектности и многоплановости данной проблемы может оказать существенное влияние на дальнейшие разработки в области теории и истории культуры.

Ряд результатов данной диссертации могут быть использованы при исследованиях в теории и истории культуры, этике, антропологии, социальной философии, они имеют также практическое значение для средств массовой информации и тех структур, которые формируют общественное мнение. Возможно применение материалов и выводов диссертации при разработке различных лекционных курсов по гуманитарным дисциплинам.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в 7-ми публикациях общим объемом 2,2 п.л. и выносились на обсуждение на 5-ти конференциях: международной научно-практической конференции «Архитектура и информационное общество» (Ростов н/Дону, 2008); международной научно-практической конференции «Россия и мировой финансовый кризис: поиски глобальных и национальных ответов» (13 ноября 2009 г., Ростов-на-Дону); Всеросс. науч.-практ. конференции «Проблемы прогресса цивилизационного развития. Патриотизм и духовность как объединяющая основа современного общества» (Волгоград, 2010); международной научной конференции молодых ученых «Перспектива-2010» (пос. Эльбрус,23-26 апреля 2010 г.); Третьем Российском культурологическом конгрессе «Креативность в пространстве традиции и инновации (27-29 октября 2010 г., Санкт-Петербург); Круглом столе «Философская инноватика и междисциплинарные проблемы геополитики Юга России (Г.Ростов-на-Дону, СКАГС, 25 июня 2010 г.), а также на заседании кафедры философии и социологии архитектуры и искусства Института архитектуры и искусства Южного федерального университета 28 июня 2010 г.

Структура диссертации определяется последовательностью решения основных задач и состоит из введения, трёх глав, включающих 8 параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, хаоарактеризуется степень её разработанности, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цель и задачи, определяется научная новизна и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Сущностные характеристики нигилизма и их становление в культуре» выявляются истоки и социокультурная сущность нигилизма, исследуются его проявления на этапе духовного истощения культуры в кризисные периоды. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе – «Социокультурная сущность нигилизма» - мы исходим из общепринятого понимания нигилизма как такого типа духовной ориентации (и формы социального поведения), которая выражает отрицательное отношение субъекта к общепринятым ценностям, нормам, идеалам, отдельным сторонам человеческого бытия, а зачастую – ко всему бытию в целом.

Несмотря на то, что теме нигилизма со времен Ницше посвящено значительное количество работ, само «понятие нигилизма ...не только причисляется к неясным и спорным, но и используется полемически... Хорошее определение нигилизма можно сравнить с обнаружением возбудителя рака. Оно не привело бы к исцелению, но хотя бы стало его предпосылкой...»[5]. Эти слова Э.Юнгера, написанные еще в 1950 г., справедливы и сегодня.

Анализ предложенных историей гуманитарной мысли определений нигилизма позволил прийти к выводу, что в понимании нигилизма философы, социологи и культурологи акцентируют свое внимание на двух основных моментах. Первый состоит в выделении такого существенного признака нигилизма, как отрицание мира идеальных сущностей, отождествляемого со сферой божественного (такое понимание обосновывали Ф.Ницше и С.Н.Булгаков, продолжил М.Хайдеггер). Феномен «смерти Бога» означал утрату сферы «сверхчувственного», трансцендентного в виде идеалов, норм, целей, ценностей, принципов, которые придавали человеческому существованию смысл. Нигилизм, по Хайдеггеру, образует внутреннюю логику европейской истории, состоящую в том, что место Бога занимается другими инстанциями – прежде всего авторитетом совести, разума, а сегодня – юридическими установлениями. Все «сверхъестественное» объявляется фикцией, и вместо идеи потустороннего воздаяния ставится цель посюстороннего, земного совершенствования, создания культуры, распространения цивилизации. Человек объявляется

---

[5] Юнгер Э. Через линию//Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер. Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль /Пер. с нем, предисл. И комментарии Г.Хайдаровой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2006. С.16-17.

самостоятельным, автономным индивидом, становится самоутверждающимся основанием и мерой всякой достоверности.

Второй акцент при определении нигилизма делается собственно на самом отрицании. Действительно, «отрицание» - необходимый признак нигилизма. При этом большинство исследователей отмечают, что не всякое отрицание есть нигилизм, а отрицание недиалектическое, означающее разрушение, уничтожение. Это «зряшное» отрицание претендует на полное уничтожение и отбрасывание отрицаемого без сохранения каких-либо элементов старого в новом. Однако тяготение нигилистического отрицания к «ничто» делает его более сложным, чем простое «зряшное» отрицание. На принципиальный признак нигилизма – тяготении к ничто – обратил внимание еще М.Хайдеггер: нигилизм господствует там, где «все теснит к ничто»[6].

Мы приходим к выводу, что обозначенные два акцента в понимании нигилизма не равновесны, не равноценны и не одномоментны: нигилизм как отрицание (ценностей, целей и т.д.) есть реакция (реакция, проявляемая с разной степенью остроты и активности) на начавшийся процесс размывания сферы трансцендентного, исчерпание, как отметил Ницше, жизненной силы у традиционных принципов разума, религии и морали. Нигилизм как процесс проходит несколько фаз, в течение которых внешним образом еще может сохраняться и вера, и мораль, и смысл, но симптомы поражения нигилизмом необратимы – это, как показал Э.Юнгер, не только отсутствие святого, но и отсутствие совершенных произведений искусства, мыслей «высшего порядка», величия в духовных проявлениях человека. И лишь в фазе завершения нигилизма, его тотального господства мы наблюдаем радикализм идей и действий, усиливающий, подстегивающий процессы исчерпания общепринятых ценностей и целей.

Именно это взаимоусиление между размыванием сферы трансцендентного (которое осуществляется не только через механизм отрицания, а начинается с сомнения, а затем – с утилитарного, прагматического отношения к высшим ценностям) и нигилистическим отрицанием, тяготеющим к Ничто, и порождает легитимизацию нигилизма в культуре. Отсюда проистекает и зафиксированная Ницше амбивалетность нигилизма, и употребление термина «нигилизм» как в «положительном» смысле (для обозначения совокупности идей и умонастроений демократически настроенных сил), так и в «отрицательно-осудительном» значении (со стороны консервативных и реакционных сил, характеризующих с помощью этого понятия демократические и прогрессивные устремления). Такое «оборачивание» термина не случайно: оно детерминировано двойственностью самого явления нигилизма.

---

[6] Хайдеггер М. О «Линии»// Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер. Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль /Пер. с нем, предисл. И комментарии Г.Хайдаровой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2006. С.67.

В диссертации проводится анализ сущности Ничто, как его понимал М.Хайдеггер. Мы приходим к выводу, что Ничто – это не пустота, а прерыв ранее непрерывного, обеспечивающий переход на другой уровень реальности. Присутствие человека в мире есть преодоление ничто и, одновременно, влечение к нему (как прерыву непрерывного). А если так, то проблема ценностей как регулятивов человеческого существования не уничтожается, а, напротив, утверждается.

Описание социокультурного явления не тождественно выявлению социокультурной сущности этого явления. В работе исследуется вопрос о специфике философско-культурологического анализа нигилизма, отличающегося от социологического, психологического, юридического и других подходов. Культурологический подход позволяет осознать факты нигилистического отрицания (духовного и предметно-практического) в их всеобщности как выражения «преодоления пределов», границ культуры, обозначенных в виде ценностей, норм, социальных институтов. Именно такое «преодоление пределов» с необходимостью возникает в переходные эпохи, характеризующиеся рассогласованием прежних систем регуляции поведения индивидов, что порождает неустойчивость социальных норм (по выражению Э.Дюркгейма, порождает аномию).

Используя понятие культурной формы, понятой как образец, модель, механизм, обеспечивающий переход от одного социокультурного состояния к другому, мы рассматриваем нигилизм как культурную форму. Конечно, сложилась устойчивая традиция понимания нигилизма как внешнего, деструктивного отрицания, направленного на полное уничтожение какого-либо явления; оно противопоставляется диалектическому отрицанию, которое способно удерживать положительное содержание отрицаемого. Но сложность современной культуры такова, что однозначных критериев отделения отжившего от перспективного нет. Нигилистическая трансгрессивность – это не «зрящное» отрицание», а отрицание одного с выходом в другое. Оно включает в себя в качестве момента диалектическое отрицание.

Поэтому мы солидарны с Ф.Ницше и Т.Адорно, утверждавших амбивалентность нигилизма, наличие у него не только разрушительного, но и конструктивного потенциала.

Во втором параграфе - «Протонигилизм» - мы исходим из того, что представление нигилизма в качестве культурной формы должно быть подкреплено фактами его наличия в разных культурах, в разные исторические периоды. Проведенный в первом параграфе анализ рефлексии по поводу существования нигилизма подводит к мысли о том, что нигилизм как идейное течение начинает оформляться в конце XVIII-начале XIX века. Однако это обстоятельство не исключает того, что отдельные нигилистические идеи и интенции возникли гораздо раньше

Мы опираемся также на идею С.Н.Булгакова о том, что признание возможности самоопределения человека вне ориентации на сферу

трансцендентного являлся принципом софистов, позитивистов и «ницшеанцев древности»[7]. Таким образом, С.Н.Булгаков расширил временные границы существования нигилизма.

Протонигилизм есть первичная, исходная, еще неразвитая форма нигилизма, выражающаяся в сомнении в истинности утвердившихся в данной культуре ценностей, целей и смыслов культуры. В дальнейшем развитие протонигилизма приводит к нигилизму, выражающемуся в отрицании традиционных идентификационных моделей, дискурсивных практик, риторических кодов, и «расчищающему» тем самым место для новых моделей, практик и кодов.

Мы прослеживаем возникновение протонигилизма на материале текстуально выраженного сомнения в бессмертие в древнеегипетской «Песне из дома усопшего царя Антефа, начертанной перед певцом с арфой». «Песнь арфиста» считается древнейшим (эпоха Среднего царства) дошедшим до нас памятником религиозного свободомыслия, в ней впервые высказывается сомнение в существовании сакрального и потустороннего мира и догадка о существовании ничто. В «Песне арфиста» впервые прослеживается нарушение устоявшегося разделения на чувственное и сверхчувственное, о котором писал Ф.Ницше. Здесь же высказывается предложение человеку жить реальным настоящим, «здесь и сейчас», тем самым обращаясь к временному и преходящему. Отрицание сакрального осуществлено через предложение человеку посягнуть на то, что положено богам. Разрыв людей с богами означает стремительное погружение в «ничто»: забрать у богов их достояние можно, лишь отрицая их божественность.

Социальной основой приведенного древнеегипетского произведения являются социальные потрясения в Египте конца III тыс. до н. э. Они стимулировали обращенность человека на себя, на свои удовольствия. Это была реакция на необходимость наилучшим образом адаптироваться к миру, а также на непроявленность Божьего промысла в мире, «равнодушия» Бога к человеческим делам, заботам и нуждам. В «Песне арфиста» проглядывает тоскливое осознание неизбежности смерти как ухода в небытие. Эта попытка отвлечься от страха смерти еще не есть нигилистическая интенция к небытию, но первый шаг в сторону от мира сверхчувственного к миру предметному. Хотя основания мировоззрения все еще остаются прежними и незыблемыми: Бог стоит у истоков мира, и сам этот мир непоколебим и устойчив. Но этот мир неблагополучен: он полон метаниями грешных людей, в нем царит «суета сует» – неясные суждения, попытки осмыслить насущное, как-то обустроиться в мире. В дальнейшем будет зафиксировано «выпадение» человека из ритмов мирового времени, ничтожность индивида по сравнению с миром. Возможность впадения в ничтожность и есть первый шаг навстречу нигилизму.

---

[7] Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена // Булгаков С.Н. Соч. в 2-х т. Т.2. Избранные статьи. – М.: Наука, 1993. С.115.

Анализ текстуально выраженного жизненного опыта протонигилизма продолжен на материале произведений М.Ю.Лермонтова. В трагедии М.Ю.Лермонтова «Люди и страсти» прослеживается ощущение ничтожества людей, возможное только в отсутствии Бога. В романтической драме М.Ю.Лермонтова «Странный человек» Ничто представлено как отсутствие всякой связи с кем бы то ни было.

Ничтожество окружающих – лишь одно из проявлений ничто. Более точно *ничто* – это то, что обесценивает все человеческие ценности: любовь, преданность, верность, милосердие, рвет нити привязанностей и зависимостей: высшие ценности человеческого существования переродились в видимость ценностей, а их носители оказываются способными уничтожить их внутреннее достоинство. Это и есть впадение в ничто, тотальность ничто. Следует согласиться с С.Неретиной, что *ничто* относится не к онтологическим категориям, а к дискурсу воли[8]. Ничто – это не место, хотя бы и пустое, не «зияющая» вершина и не мерцающая дыра. И это сумел показать М.Ю.Лермонтов, поставив своего героя не в позицию сотворенного существа, а в самое ничто: «нет другого света», «нет рая – нет ада», а есть изоляция от бытия, полная нейтральность по отношению ко всему и ожидание всего.

Осмысление сущности Ничто позволил прийти к выводу, что протонигилизм рождается и сопровождается чувством одиночества, ощущением инаковости человека по отношению к другим людям и окружающему миру, сомнением в общепринятых истинах, скептицизмом, отчаянием, ощущением ничтожества. Возможность впадения в ничтожность и есть протонигилизм. Зафиксированная нами и переживаемая субъектом конкретной культуры, находящейся в состоянии кризиса, «икаковость» проистекает из перерождения самого мира, разорвавшего связь со сферой трансцендентного.

В третьем параграфе **«Противоречия нигилизма»** мы показываем, что нигилизм - это не нечто гомогенное, не имеющее внутри себя противоречий, а достаточно противоречивое явление. На внутреннюю противоречивость и недоговоренность мировоззрения нигилиста обращал внимание еще С.Л.Франк[9].

Мы прослеживаем, как недоверие к ценностям, родившееся однажды, может разрастаться до катастрофических размеров, и распространяться, подобно социальной инфекции, на все общество. Такое недоверие было посеяно в российском обществе после первых лет перестройки, и его распространение подпитывалось и подпитывается углублением социального неравенства, обнищанием основной массы населения, сверхдоходами

---

[8] См.: Неретина С. «Маскарад» как предчувствие нигилизма//Ё: Психотворец. Обуватель. Филозоф: Сб. статей. – М., 2002.

[9] См.: Франк С.Л. Этика нигилизма //Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. С.179.

отечественных олигархов. Поэтому важнейшая установка российской культуры на служение общественным, сверхличным интересам была подорвана и в настоящее время вытесняется ценностями «достижительной культуры», ядром которой выступает индивидуальная выгода и личный успех. Однако отрицание норм, идеалов и ценностей советского периода российской культуры не перерастает в нигилистическое отрицание норм, идеалов и ценностей культуры в целом, а связывается с поиском той системы ценностей, которая бы соответствовала достоинству современного человека. И это – первое противоречие нигилизма.

В любой цивилизации человек живет, приспосабливаясь или, напротив, активно изменяя существующее положение вещей. Нигилизм, как показывает его история, выступает средством как пассивно-приспособленческой, так и активно-деятельностной реакции на противоречия общества. Возможность проявить себя и в активной (выражающейся в деятельном противостоянии устоявшемуся порядку вещей), и в пассивной формах составляет одно из противоречий нигилизма. Противоречие состоит во взаимопревращении таких противоположностей, как деятельное противодействие (активность) и социальная апатия (пассивность): и одно, и другое могут способствовать росту социального негативизма (в том числе и этнического), общей деморализации, ксенофобии.

Еще одним противоречием нигилизма выступает противоречивое сочетание, сопряжение неприятия нигилизма с его фактической легитимизацией в культуре. Так, в русской литературе существовал как опыт преодоления нигилизма (И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский), так и опыт оправдания его через встречу с Ничто.

Мы обращаемся также к проведенному С.Л.Франком анализу сущности «умонастроения» русского интеллигента, которое он называет «нигилистическим морализмом», сочетающим в себе антагонистические мотивы.

Многоликость, амбивалентность, противоречивость нигилизма, различие в социальных последствиях нигилистических ориентаций позволяют выделить разные модусы нигилизма. Направленность отрицания на разные объекты, различия в мере, образе и способе отрицания порождают разнообразные модусы нигилизма. Так, если нигилистическое отрицание направлено на ценности, репрезентирующие культуру на определенном историческом этапе ее развития, возникает темпоральный модус нигилизма; если оно направлено на игнорирование, недооценку, умаление экономической сферы жизни общества, отрицание легитимности экономических механизмов и институтов, возникает экономический нигилизм; если отрицаются нормы права, возникает правовой нигилизм.

Модусы нигилизма близки, но не совпадают с типологией нигилизма, в основе которой лежит объект отрицания. Действительно, как показала М.М.Тоторкулова, типологию нигилизма можно проводить по разным

основаниям: объекту, субъекту, степени проявления и характеру отрицания[10]. Соответственно тому, ценности какой из сфер жизни подвергаются отрицанию (морали, искусства, религии, права и др.), выделяется нравственный, эстетический, религиозный, правовой и другие типы нигилизма. Однако культура – явление многомерное, она не сводится, подобно обществу, к сферам общественной жизни, поэтому важно, наряду с выделенными типологиями, исследовать и модусы нигилизма.

Вторая глава – **«Нигилизм в пространстве транзитивной культуры»** - посвящена исследованию экспансии нигилизма в культуре переходного общества.

В первом параграфе «Нигилизм как интенция сознания: трансгрессивное «преодоление пределов» мы исходим из посылки, что тяготение к Ничто как ведущая интенция нигилизма предполагает выход за пределы существующего, он есть симптом кризиса культурной эпохи или социального периода, предвосхищающий еще неявный, но уже существующий в латентном виде закат. Данное обстоятельство позволяет исследовать нигилизм с помощью понятия трансгрессии.

Понятие трансгрессии в современной постмодернистской философии дает возможность определить онтологические основания существования нигилизма в культуре, выявить модальные формы его бытия. Мы прослеживаем уточнение понятия трансгрессии, начиная с его аналога, предложенного еще Гегелем (термин "Aufhebung" в содержательном плане отражает преодоление субъектом границ бытия культуры и возможность занятия им позиции внешнего наблюдателя по отношению к тем или иным феноменам культуры), его переосмысление в неогегельянстве, во французском экзистенциализме, Ж.Батаем и М.Бланшо, другими постмодернистами.

В современной философии трансгрессию определяют как процесс пересечения границ социального бытия, в результате чего возникает ситуация внешнего отношения субъекта к предметам, чуждым ему. Тем самым индивид оказывается свободным, ибо он перестает ощущать давление отрицаемого им внешнего мира на его мысли, поступки и чувства. Трансгессивный нигилизм в интерпретации М.Фуко, Ж.Делеза и других постмодернистов оказывается не просто актом отрицания чуждого индивиду бытия, но и основой для его освобождения от жестких форм, сковывающих бытие человеческой индивидуальности. Трансгрессивный нигилизм дает возможность, по мнению М.Бланшо, разрушить логику повседневности и приблизить индивида к трансцендентному.

---

[10] См.: Тоторкулова М.М. Нигилизм в культуре современного российского общества: дисс. на соискание уч. степ. канд. социол. наук: 22.00.06. – Ставрополь, 2002.

Введение понятия трансгрессии дает возможность отказаться от представления о нигилистическом отрицании бытия как о том, что исключено из сферы обыденной жизни человека. Это глубокая жизненная интенция, содержащаяся в экзистенциальных глубинах сознания любого человека. Конечно, основным содержательным моментом здесь является возможность преодоления границ, пределов, но это такая возможность, которая включает в себя и некоторые элементы прорыва к новому бытию.

Трансгрессия не означает абсолютности и тотальности отрицания, поскольку характерной чертой трансгрессивного нигилизма является признание открытия новых возможностей социальной жизни. Трансгрессивный нигилизм является механизмом нелинейной эволюции социальной материи и порывает с линейно, т.е. однозначно и одномерно понятой социокультурной действительностью. Однако отметим, что нигилистический момент здесь, т.е. уход от существующего за границы данной культуры, является главным моментом движения человеческого существования, а открытие «новых горизонтов» возможная, но не обязательная его черта.

Во втором параграфе «Отрицательная оценка мира и нигилистическое самоотрицание» мы прежде всего исследуем осмысление различных проявлений нигилизма в России XIX в. на материале русской классической литературы.

Для больших русских писателей нигилистическая позиция является неприемлемой, при этом русскими писателями была создана портретная галерея образов нигилистов. Мы согласны с И.А.Сапроновым[11] в том, что в нашей отечественной художественной литературе вырисовались две тенденции: тенденция к «разоблачению» образа нигилиста и тенденция к капитуляции перед Ничто, однако оцениваем «впадение» в Ничто несколько иначе.

Акту отрицания мира предшествует его оценка – оценка мира как ничтожного, мелкого, неистинного и такая же отрицательная оценка людей. В русской литературе примеров подобной оценки можно найти немало. Н.В.Гоголь создает образ ничтожного мира и человеческих ничтожеств (незначительных, самодовольных, низменных, пошлых, с мертвыми душами, имитирующими жизнь). Противостоять такому миру и ничтожным людям необходимо и должно.

И.С. Тургенев рисует личное человеческое ничтожество в нескольких вариантах. «Гамлет Щигровского уезда» - самоумаляющийся тип, самоуничижение которого проистекает из необоснованной, а потому разрушенной навязчивой идеи-стремления быть оригинальным. В результате он впадает в «пропасть» Ничто как пустоты. Нигилизм «русского Гамлета» состоит в «ничтожении» мира прежде всего в самом себе, в

---

[11] См,: Сапронов И.А. Путь в Ничто. Очерки русского нигилизма. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2010.

ориентации только на себя и, в конечном итоге, в «ничтожении» самого себя (самообращение нигилиста на себя).

Главный герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» - другой тип нигилиста. Этот нигилизм открыто декларируется и понимается Базаровым (а Базаров олицетворял воззрения, свойственные революционным демократам 60-х гг. XIX в.) в инструментальном ключе - он нужен ради пользы, для очистки общества. Базаровский нигилизм - самый радикальный. Его неприятие И.С.Тургенев рисует через поражение Базарова в безответной любви к Одинцовой, а затем – и в смерти.

Образы нигилистов, созданные Ф.М.Достоевским, весьма разнообразны. Сам же нигилизм заканчивается или самоубийством, или очищением, покаянием , после которого могут быть достигнуты более высокие, чем перед вступлением на путь нигилизма, ступени. Таким образом, Ф.М.Достоевский прослеживает сложный процесс, включающий переход от сомнения к пессимизму, потом к активным действиям в мире, лишенном ценностей и богов, а затем – возможность новых свершений, таким образом, нигилизм выступает способом самоутверждения через отрицание.

В данном параграфе мы анализируем осмысление опыта нигилизма, связанного с введением негативного в социальный контекст, А.Бергсоном и Ж.-П.Сартром.

А.Бергсон показал, что способность отрицать свойственна человеку, ведь бытие не предъявляет отрицательных качеств предметов. Отрицание возникает в результате скрытого или явного общения с Другим или с собой. Сопоставление, оценивание, сравнение двух наличностей – для себя и для других – рождает возможность отрицания.

Ж.-П.Сартр, анализируя возможность пребывания негативного внутри Бытия, выделяет ключевую роль действия. Действие открывает мир через нехватку чего-либо; оно мотивируется через то, чего нет; оно отступает от фактического положения дел (самоданного бытия) и конституирует ожидаемое положение вещей как наличное в своей проективности. Реализовать свою свободу можно через свои действия. Но человеческая реальность недостаточна, так как беспрестанно оказывается в промежутке между прошлым как предпосылкой и настоящим как фактическим. Это несовпадение и обусловливает постоянную незавершенность человеческой реальности.

В результате исследования, предпринятого в данной главе, были выделены несколько модусов нигилизма: латентный и национальный, обращенный вовнутрь и вовне, пассивный и активный.

Третья глава «Темпоральные модусы нигилизма в культуре общества «транзита» посвящена исследованию отношения к модусам времени, поскольку каждый из них оценивается, исходя не из хронологии, а из его соотнесённости с целями, ценностями и смыслами культуры в целом и жизни каждого человека в отдельности.

В первом параграфе «Нигилистическое отношение к прошлому» показывается, что отказ от возможности традиционного воспроизводства прошлого по его «образцам» в настоящем, произошедшее в Новое время, породил и возможность разного отношения к прошлому. Сам облик прошлого стал постоянно меняться: оно рисовалось в транзитивные периоды каждый раз иным. Причин тому множество: и открытие новых фактов, и фальсификация данных, и переинтерпретация уже известного, и частные интересы исследователей и т.д. В результате по отношению к прошлому утвердились две крайности – полный отказ от прошлого и идеализация его. Обе они потенциально опасны, поскольку разрывают, искажают действительные связи между прошлым и будущим.

Нигилистическое отношение к прошлому предполагает его отрицание, отрицание традиций, а также низкую оценку его возможностей по реализации целей человеческой жизни.

Среди причин, с помощью которых обосновывают отрицание прошлого, выделим три.

Во-первых, идея того, что содержащиеся в прошлом недостатки могут перейти в настоящее, или что мрачные, гнетущие картины прошлого будут постоянно давить на настоящее. Поэтому забвение видится главным средством защиты от пагубного влияния прошлого. В связи с этим Ф.Ницше настаивал на необходимости того, что память следует стереть. История культуры знает немало примеров физического уничтожения носителей древнего знания, уничтожения библиотек, городов, произведений искусства и реликвий. К этому же ряду относится и переименовании улиц и городов при смене политических режимов.

Разрушение потенциала прошлого возможно через придание носителям прошлого новых, сниженных функций, выставление их в смешном виде. Так священное превращается в профанное.

Во-вторых, мысль о том, что губительное воздействие на настоящее может оказывать не только порочное или несчастное прошлое: оно может быть великим и уже своим величием, непревзойденностью подавлять ростки нового настоящего.

В-третьих, утверждение, что прошлое может быть содержательно пустым и заимствовать из него по-настоящему просто нечего.

Нигилизм по отношению к прошлому времени означает разрыв преемственной связи прошлого с настоящим, ориентацию лишь на новизну, отсутствие гибкости по отношению к взаимовлиянию традиционного и инновационного.

Жесткая приверженность к прошлому, которую демонстрируют радикальные консерваторы, лишь на первый взгляд противоположна темпоральному нигилизму. Ведь их позиция часто состоит в ритуальном, формальном воспроизведении образцов, тесных для нового содержания, которое тем самым отвергается.

В параграфе рассматривается также проблема нигилистического отношения к прошлому на материале отношении к сохранению культурного наследия, представленного в памятниках архитектуры.

Во втором параграфе «Нигилистическое отношение к настоящему» исследуется латентное отрицание настоящего посредством преувеличения значимости прошлого или будущего.

Избыточное преувеличение значимости памятных вещей и реликвий вытесняет настоящее тем, что человек не только переносится в прошлое мысленно и живет им, но и заглушает в себе творческое начало, развивая лишь способность к репродукции. Мода на антиквариат рождается еще во II веке, когда Рим оказывается охвачен повальным увлечением стариной. Рецидив этого увлечения наблюдается в XV в. Пагубные последствия преклонения перед древностью критиковали еще романтики XIX в. и модернисты начала XX в. Безоговорочное увлечение прошлым может быть инициировано неприятием настоящего, значимость которого расценивается как ничтожная.

Нигилистическое отношение к настоящему проявляет себя в отказе от дифференциации времени, который мы находим в хилиазме. В хилиазме нет дифференциации времени: он выделяет, как показал К.Манхейм, лишь абсолютное пребывание в настоящем, но это не значит, что хилиазм высоко ценит настоящее; с точки зрения хилиастического переживания это пребывание неподлинно. Для хилиаста настоящее становится своеобразным порталом, через который в его жизнь должно прорваться тысячелетнее царство Божие. Свою современную форму хилиазм обретает в радикальном анархизме. При этом одним из связующих звеньев между ними является отношение к настоящему (и ко времени вообще) как к чему-то несущественному.

В параграфе рассматривается также специфика либерального и консервативного отношения ко времени. Для либерала будущее - всё, а прошлое – ничто. Для консерватора высокой значимостью обладает не только прошлое, но и процесс формирования настоящего на основе прошлого, присутствие прошлого в настоящем.

В третьем параграфе «Нигилистическое отношение к будущему» мы рассматриваем, как отрицание будущего осуществляется посредством сомнения в возможности его наступления. Различные эсхатологические и катастрофические образы также могут быть интерпретированы как нигилистическое отрицание будущего.

Нигилистическое сознание, отрицающее будущее, существует на двух специализированных и взаимодействующих уровнях. Во-первых, данный тип сознания и культуры проявляется как особое состояние психики. Во-вторых, нигилистическое отношение к будущему может стать элементом культурной картины мира в том случае, если в ней укореняется пессимистическая идея неизбежности будущего конца мира. Сама мысль о неизбежных будущих катастрофах (природной, социальной, техногенной и

т.д.) «переформатирует» всю систему ценностей и идеалов, которой руководствуются отдельные индивиды и общество в целом в своей жизнедеятельности. Такова теория катастрофизма, которая разрабатывалась еще Ламарком в XVIII в. и в дальнейшем была использована для обоснования различных взглядов, отрицающих возможность прогрессивного развития социума. Идея неизбежной деградации и разрушения окружающего мира и человеческой культуры периодически захватывала собой умы людей в периоды кризисного развития общества.

В европейском обществе Нового времени нигилистическое отношение к будущему приобрело массовый характер в период глубокого социокультурного кризиса, связанного с переходом от феодализма к капитализму. XVI-XVII вв. – это время глубоких социальных катаклизмов, гибели ренессансных идеалов, религиозных войн, экономической и политической нестабильности. Эту эпоху с наибольшей художественной и эстетической силой отразил в своих трагедиях В.Шекспир. На примере Гамлета – принца Датского в параграфе рассматривается специфика нигилистического сознания, которое пессимистически отрицает настоящее и, тем самым, отрицает и будущее.

В целом, характеризуя нигилизм в его отношении к будущему в качестве культурного феномена, следует отметить то, что он разрывает связь между настоящим и будущим. Кризисный мир, окружающий индивида, представляется ему неподлинным, нереальным, не обладающим статусом достоверности своего бытия. Собственно, и само будущее носит в интерпретации нигилистического сознания запредельный характер, поскольку оно выводится за рамки настоящего, не является продолжением тех реальных тенденций, которые возникают в современности. Подобное представление об историческом развитии приводит к возникновению особых ценностей и норм поведения, которые явно «выпадают» из сферы настоящего. Нигилизм в отношении будущего может существовать как на уровне индивида, так и общества в целом, когда нигилистический настрой пронизывает собой все формы духовной жизни общества.

В диссертации выделяются два типа нигилистического отношения к будущему, а, следовательно, и к настоящему. Один тип культурного поведения представляет собой конформистское, безвольное, дефензивное восприятие окружающего кризисного мира – мира, где человек, как говорится, махнул рукой как на себя, так и на свое будущее. Второй тип нигилистического поведения в отношении будущего предполагает активный негативизм к реалиям бытия, их разрушение и даже эстетическое любование всеми признаками приближающейся катастрофы. Лозунг людей, придерживающихся подобной позиции, заключается в краткой формуле: «чем хуже, тем лучше». Исходя из этой максимы, все критерии культурного поведения, характерные для нормального социума, смещаются, и, следовательно, границы, отделяющие «культурное» от «некультурного», исчезают.

В **«Заключении»** подводятся итоги исследования и формулируется ряд выводов. Один из них состоит в том, что нигилизм как на индивидуальном, так и на общественном уровнях не может служить устойчивой культурной основой для длительного существования социальной группы или общества в целом. Его возникновение всегда является отражением процессов кризиса, перехода от одного устойчивого состояния социокультурной целостности к другой.

Результаты исследования представлены в следующих публикациях:

1.Константинова Т.В. Модусы нигилизма в культуре транзитивного общества // Гуманитарные и социальные науки. - 2010 г. - № 3. – 0,5 п.л.

2. Константинова Т.В. Социокультурная сущность и модусы нигилизма в культуре транзитивного общества // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2010. - № 3. – 0,7 п.л.

3. Константинова Т.В. Эволюция идей нигилизма в молодежной среде//Архитектура и информационное общество: Материалы международной научно-практической конференции. – Ростов н/Дону: ИАрхИ ЮФУ, 2008. С.50-53. – 0,2 п.л.

4.Константинова Т.В. Кризис и «экономический нигилизм»//Россия и мировой финансовый кризис: поиски глобальных и национальных ответов. Сборник материалов международной научно-практической конференции (13 ноября 2009 г.). - Ростов-на-Дону, 2009. С.212-213. – 0,2 п.л.

5. Константинова Т.В. Парадоксы нигилизма //Проблемы прогресса цивилизационного развития. Патриотизм и духовность как объединяющая основа современного общества: Всеросс. науч.-практ. конференция (2010; Волгоград). – Волгоград: ООО «Глобус», 2010. – 0,3 п.л.

6. Константинова Т.В. Парадоксальная природа нигилизма // «Перспектива-2010». Материалы международной научной конференции молодых ученых (23-26 апреля 2010 г.). – Нальчик: Кабардино-Балк. госуд. ун-т, 2010. – 0,2 п.л.

7. Константинова Т.В. Нигилистическое отношение ко времени и хронополитика //Философская инноватика и современная геополитика. Сб. научных трудов. – Ростов н/Дону: изд-во СКАГС, 2010. С.149-150. – 0,1 п.л.

Сдано в набор 05.10.2010. Подписано в печать 05.10.2010.
Формат 60х84 1/16. Ризография. Печ. л. 1,4.
Бумага книжно-журнальная.
Тираж 100 экз. Заказ 0510/01.

Отпечатано в ЗАО «Центр универсальной полиграфии»
340006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140,
телефон 8-918-570-30-30
www.copy61.ru
e-mail: info@copy61.ru